

И нам, будущим социальным педагогам и социальным работникам, нужно четко осознавать это.

Библиографический список

1. *Алексиевич С.* Последние свидетели. М., 1985.
2. *Фадеев А.* Публицистика периода Великой Отечественной войны и первых послевоенных лет. М., 1985.

М.А. Козлова, К.В. Соснина, Е.В. Серебренникова

ДЕТСКАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ В ПЕРВОЕ ПОСЛЕВОЕННОЕ ДЕСЯТИЛЕТие

Голод, охвативший всю страну в первые годы после войны, способствовал росту преступности. Обезумевшие люди ради собственного спасения и спасения своих близких шли на воровство, грабежи, убийства. Одной из самых болевых проблем, вызванных голодом, был рост преступлений, совершаемых бездомными и беспризорными детьми, среди которых было много сирот. Согласно сообщениям прокуроров, в Ленинграде число беспризорных детей во втором полугодии 1946 г. составило 3040 человек, в Свердловске – 1981, Ростове-на-Дону – 801. Росло число беспризорных и безнадзорных детей в Татарской и Башкирской АССР, Куйбышевской, Калужской, Крымской, Новосибирской областях и Краснодарском крае.

Весной 1947 г., когда тысячи голодных, оборванных детей, которых не могли вместить переполненные детские дома, приемники МВД хлынули в города, Советом министров СССР было принято постановление № 857 от 7 апреля об улучшении работы по устройству детей и подростков, оставшихся без родителей. Постановление обязывало Министерство трудовых резервов организовать до 1 июня 1947 г. 80 специальных ремесленных и 20 сельскохозяйственных училищ для устройства подростков, направленных из детских домов.

МВД должно было организовать до 1 августа того же года детские колонии на 10 тыс. человек. На организацию и содержание детских домов и колоний было выделено из резервного фонда Совмина СССР 299,8 млн р. Среди осужденных в 1946–1947 гг. женщины с малолетними детьми, следовавшими вместе с ними по этапу, составляли около 50%. Эта категория заключенных увеличилась с общим ростом количества осужденных женщин. Дети осужденных вдов старше 7 лет, если их не брали на воспитание родственники, попадали в государственные детские дома и дома ребенка, где в 1946 г. 17,1% составляли дети осужденных матерей, а в 1947 г. – 30%. Большинство же детей грудного возраста были вместе с матерями в местах заключения, что весьма озадачивало администрацию ГУЛАГа.

МВД по-своему стремилось избавиться от «детской проблемы». 15 июля 1947 г. Министру внутренних дел СССР В.М. Молотову было сообщено о том, что значительная часть прибывших, а также рождавшихся в тюрьмах, лагерях и колониях детей были физически слабыми, нуждались в особом уходе и соответствующих гигиенических условиях. Он предложил освободить 15 тыс. женщин беременных и с детьми до 4-летнего возраста от дальнейшего отбывания наказания, кроме женщин, осужденных за измену Родине, шпионаж, террор, диверсии, бандитизм, убийства и расхищение социалистической собственности.

Беспризорность всегда шла рука об руку с преступностью. В первые послевоенные годы около 1/3 всех воспитанников колоний составляли безнадзорные и беспризорные дети. Первое место среди преступлений занимали кражи. Судебно-следственные органы выносили голодным и бездомным подросткам самые суровые приговоры за мелкое воровство (так, И. Бабич и Ю. Садевский в 1945 г. были осуждены за кражу 1,5 кг картошки и 1,5 кг сахара).

В 1947 г. на имя И.В. Сталина поступило письмо от капитана третьего ранга Филиппова о путях ликвидации детской беспризорности и преступности в стране. Предполагалось изолировать всех малолетних правонарушителей на одном из островов Эстонской ССР, организовав там особый учебный комбинат с жестким режимом: «кто не работает, тот не ест».

Оторванные от семьи, лишённые нормальных бытовых условий, молодые люди стихийно собирались в группы, где часто утверждались нормы уголовной этики. В городах резко возросла молодежная преступность, злостное хулиганство.

Государство в лице карательных органов практически все правонарушения стало оценивать с политической точки зрения. Групповые преступления заканчивались приговором к высшей мере наказания. Но, с другой стороны, преступления были единственным выходом, единственным опытом выживания в условиях военного времени.

А.Т. Галиева, Т.В. Скрипова, В.Н. Романчук

ДЕСТРУКТИВНОЕ ВОСПИТАНИЕ В ДЕТСКИХ ДОМАХ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД

После Великой Отечественной войны в Центральном адресно-справочном детском столе, находившемся в Бугуруслане Чкаловской области, было поставлено на учет около двух с половиной миллионов детей, которые разыскивали своих родителей или родственников [1]. Но даже эта цифра не полностью отражает масштабы детского сиротства того времени. На первый взгляд причина детского сиротства очевидна – это война. Но даже после ее окончания число детей в детских учреждениях продолжало расти и достигло максимума в 1947–1948 гг., когда в детских приемниках-распределителях (ДПР) было зафиксировано рекордное число задержанных – почти полмиллиона.

В милицейских протоколах о задержании беспризорников часто встречалась формулировка «из семей, временно впавших в нужду». Эвфемизм, за которым скрывались люди, умиравшие от голода. Но даже сухие милицейские протоколы не в силах скрыть трагедии, постигшей население голодавших областей.

От голода бежали целыми семьями, но, попав в безвыходное положение, родители нередко вынуждены были бросать детей, тем самым давая им шанс на спасение. Детские учреждения были переполнены и не принимали детей от живых родителей, даже если у тех